

≈ 6 мин

Я вижу, вы удалили из ваших картин темы. Там нет больше знакомых предметов. Вы передаете изогнутую кривую стула, но не стул; зарево на небе, а не горящий дом. Вы передаете смещение линий и красок, не смещение вещей. Я должен признаться, меня это удивляет потому, что вы говорите, что вы, коммунисты, люди, стремящиеся преобразовать мир, непригодный для житья. Не будь вы коммунисты, а прислужники власть имущих, меня бы ваша живопись не удивляла. Она казалась бы мне тогда не неуместной, а даже логичной. Ибо вещи (к числу которых относятся и люди), в их нынешнем виде, большей частью вызывают чувства острого недовольства, вместе с мыслями, их критикующими, желающими, чтобы они были другими, чем они есть, и живопись, воссоздавая их узнаваемыми, втянулась бы в спор чувств и мыслей, и будь вы прислужниками власть имущих, вы поступили бы хитро, делая вещи неузнаваемыми, поскольку это ведь вещи, с которыми дело обстоит неважно, а вину за это возлагают на ваших заказчиков. Будь вы прислужниками власть имущих, вы бы принесли пользу, выполняя желание ваших заказчиков изобразить нечто неопределенное, отвлеченное, ни к чему не обязывающее. Только власть имущие охотно слышат подобные речения: «Надо получать удовольствие от самой работы, независимо от того, каковы ее плоды, как она протекает, зачем она делается. Лесом может любоваться и тот, кто им не владеет». И только подвластные не могут любоваться прекраснейшим пейзажем, если они в качестве дорожных рабочих должны дробить здесь камни, и только у подвластных гаснут такие сильные душевные движения, как любовь, из-за того, что жилищные условия так плохи.

Как художники и прислужники власть имущих вы могли бы возвестить, что прекраснейшие и важнейшие ощущения порождаются линиями и красками (так

что любой может наслаждаться ими, поскольку линиями и красками всех, даже самых дорогих, вещей можно наслаждаться бесплатно). И как художники власть имущих вы могли бы извлечь из мира ощущений все предметы, все ценности, все необходимое, все существенное. Вам, как художникам власть имущих не нужны были бы определенные ощущения, как, например, гнев, вызванный той или иной несправедливостью, или жажда обладания теми или иными вещами, оказывающимися недоступными, или связанные со знанием ощущения, которые вызывают чувства, изменяющие мир, и изменяющие определенным образом, а нужны были бы только совсем отвлеченные, смутные, невыразимые ощущения, свойственные всем, ворами и обворованным, угнетателям и угнетенным. Вы рисуете, например, что-то красное и неопределенное, и одни при виде этого красного и неопределенного плачут, потому что думают о розе, а другие – потому что думают о залитом кровью, разорванном бомбами на куски ребенке. Ваша задача тем самым выполнена, красками и линиями вы породили ощущения. Ясно, что темы, все предметы, которые можно узнать на картинках, должны в нашем мире классовых битв вызывать самые разнообразные ощущения. Когда эксплуататор смеется, эксплуатируемый плачет. Бедняк, которому не хватает кухонного стула, не испытывает нехватки краски и формы. Богач, владеющий красивым старинным стулом, видит в нем не место для сидения, а форму и цвет. Мы, коммунисты, видим вещи иначе, чем эксплуататоры и их прислужники. Но это различное видение относится к вещам. Речь идет о вещах, а не о глазах. Если мы хотим научить тому, что вещи должны быть увидены, мы должны учить этому на вещах. И мы хотим, чтобы они были увидены не просто по-другому, но совершенно определенным образом, совсем иным, но не только иным, отличным от других образом, а правильным, то есть так как это соответствует вещам. Мы

хотим освоить вещи, и в политике, и в искусстве, и мы хотим не только «освоить». Предположим, кто-то выступит и скажет: «Я осваиваю». Разве любой тут не спросит: «Что?» Я слышу ваши слова: «Нашими тюбиками с краской и карандашами мы можем передать только краски и линии вещей, ничего больше». Это звучит так, словно вы скромные люди, честные люди, чуждые всякому обману. Но это звучит лучше, чем оно есть в действительности. Тысяча примеров подтверждает, что тюбиками с краской и карандашами можно о вещах рассказать, раскрыть, объяснить больше, чем только то, что относится к линиям и краскам. У Брейгеля тоже были только тюбики с краской и карандашами, он тоже передает только цвет и линии вещей, но не только это. Чувства, которые он вызывает, рождены его отношением к воссоздаваемым предметам, и потому это определенные чувства, и они могут изменить отношение зрителя к изображенным предметам. Не говорите также: Есть много хорошего в искусстве, что в свое время не было понято. Из этого не следует, что хорошо все то, что в свое время было непонятно. Покажите лучше на своих картинах, что в наше время человек человеку волк, а уж потом говорите «Такие картины в наше время не покупают. Ведь деньги в наше время есть только у волков. Но так будет не всегда. И наши картины тоже будут способствовать тому, чтобы так было не всегда.

1935

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.